

DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-4-1260

УДК 159.92:632.95.026.1

Научная статья

ФАКТОР ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ РАЗНЫХ ПОПУЛЯЦИОННЫХ ГРУПП СИБИРИ С АЛЕКСИТИМИЕЙ

О.И. Зайцева, Т.А. Колодяжная, Ж.Г. Зайцева

Данные о взаимосвязи тревожности с алекситимией у подростков разных популяционных групп Сибири малочисленны и носят фрагментарный характер.

Цель. Изучить фактор «тревожности» у подростков разных популяционных групп Сибири с алекситимией с учетом возраста и гендерной принадлежности, этнического происхождения и региональных особенностей, установить взаимосвязи.

Материалы и методы. Интервьюирование подростков в возрасте 11-18 лет при помощи Торонтской алекситимической шкалы (TAS-26) и «Шкалы реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина.

Результаты. Среди подростков разных популяционных групп Сибири частота алекситимии у подростков-хакасов в 1,6 раза выше в сравнении с подростками-европеоидами Республики Хакасия (РХ). Подростки г. Красноярска занимают промежуточное положение. Характерным признаком алекситимии у подростков является высокий уровень тревожности, о чем свидетельствуют положительные корреляционные связи алекситимии с ситуативной ($r=0,47$; $p<0,01$) и личностной тревожностью ($r=0,56$; $p<0,01$). Среди всех подростков-европеоидов с алекситимией высокая ситуативная тревожность регистрируется в 2 раза чаще у подростков-европеоидов РХ. В плане развития высокотрещежной алекситимической личности уязвимы девочки, по возрасту - старшие подростки.

Заклучение. Выявление среди практически здоровых подростков высокотрещежных алекситимичных индивидов необходимо для своевременного проведения профилактических мероприятий.

Ключевые слова: алекситимия; подростки-европеоиды; подростки-хакасы; ситуативная тревожность; личностная тревожность; профилактические мероприятия

Для цитирования. Зайцева О.И., Колодяжная Т.А., Зайцева Ж.Г. Фактор тревожности у подростков разных популяционных групп Сибири с алекситимией // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16, №4. С. 416-436. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-4-1260

Original article

ANXIETY FACTOR IN ADOLESCENTS OF DIFFERENT POPULATION GROUPS OF SIBERIA WITH ALEXITHYMIA

O.I. Zaitzeva, T.A. Kolodyazhnaya, Gh.G. Zaitzeva

Data on the relationship between anxiety and alexithymia in adolescents from different population groups in Siberia are scarce and fragmentary.

Purpose. *To study the factor of “anxiety” in adolescents of different population groups in Siberia with alexithymia, taking into account age and gender, ethnic origin and regional characteristics, and to establish relationships.*

Materials and methods. *Interviewing adolescents aged 11-18 years using the Toronto Alexithymic Scale (TAS-26) and the “Reactive and Personal Anxiety Scale” by Ch.D. Spielberger – Yu.L. Hanina.*

Results. *Among adolescents of different population groups in Siberia, the frequency of alexithymia in Khakass adolescents is 1.6 times higher in comparison with Caucasian adolescents of the Republic of Khakassia (RKh). Teenagers in Krasnoyarsk occupy an intermediate position. A characteristic sign of alexithymia in adolescents is a high level of anxiety, as evidenced by positive correlations between alexithymia and situational ($r=0,47$; $p<0,001$) and personal anxiety ($r=0,56$; $p<0,001$). Among all Caucasian adolescents with alexithymia, high situational anxiety is registered 2 times more often in Caucasian adolescents RKh. In terms of the development of a highly anxious alexithymic personality, girls are vulnerable, and by age - older teenagers.*

Conclusion. *Identification of highly anxious alexithymic individuals among practically healthy adolescents is necessary for the timely implementation of preventive measures of a psychological, pedagogical and medical plan, which will reduce the risk of psychosomatic disorders and deviant behavior.*

Keywords: *alexithymia; caucasian adolescents; khakass adolescents; situational anxiety; personal anxiety; preventive measures*

For citation. Zaitzeva O.I., Kolodyazhnaya T.A., Zaitzeva Gh.G. *Anxiety Factor in Adolescents of Different Population Groups of Siberia with Alexithymia. Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture, 2024, vol. 16, no. 4, pp. 416-436. DOI: 10.12731/2658-6649-2024-16-4-1260*

Введение

Развитие общества в значительной степени зависит от уровня популяционного здоровья подростков, который обуславливает здоровье нации в целом и определяет ее интеллектуальные, производственные, репродуктивные возможности. В большинстве научных обзоров дефицитарность эмоциональной сферы подростков рассматривается как один из ведущих факторов риска психосоматических расстройств подросткового возраста [1; 2].

В настоящее время в педиатрии для описания эмоционального состояния подростков все чаще пользуются понятием «алекситимия». Конструкт алекситимии был сформулирован на Европейской конференции по психосоматическим исследованиям в г. Гейдельберге в 1976 году и включает в себя: трудности определения и описания эмоций, распознавания эмоций и телесных ощущений, бедность фантазии, низкий уровень самосознания [3; 4].

В текущее время существует значительное количество теорий происхождения алекситимии. Наибольшее признание в медицинском сообществе получили следующие теории: теория биологических причин, рассматривающая алекситимию как врожденную [5]; теория травматической соматизации, трактующая алекситимию как результат психотравмы, состояние торможения аффектов [6]; теория социализации - как следствие социальных и культурных факторов [7]. В рамках теории социализации этническая составляющая подростка (традиционный уклад жизни, семейный характер воспитания, культурные ценности) играет важную роль [8]. Первостепенное значение эти факторы приобретают в Сибири, где компактно проживают многонациональные сибирские этносы, в том числе и хакасы, со свойственными генетическими особенностями и этнокультурными характеристиками. Обозначенные выше категории обуславливают своеобразие психоэмоциональной сферы и физическое развитие подростков разных этносов Сибири [9].

В литературе присутствуют сведения о связи алекситимии с другим психологическим фактором - тревожностью. В Большом психологическом словаре имеется такое определение тревоги: «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагополучия, предчувствием грядущей опасности» [10].

В настоящее время для определения уровня тревожности часто используется в педиатрической практике «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [11]. Опросник оценивает две формы тревожности: тревога как психоэмоциональное состояние человека в конкретной ситуации - ситуативная тревожность; тревога как свойство личности - личностная тревожность. В то же время измененный уровень тревожности самостоятельно может выступать индикаторным фактором соматизации тревоги [12-14]. В таком случае сочетание нежелательных характеристик (высокой тревожности) в структуре личности будут усугублять трудности в коммуникации, неблагоприятно влиять на завершение формирования эмоциональной сферы подростков, в том числе, и на закрепление алекситимических черт, если таковые имеются [3; 15].

Приводимые в научной литературе сведения по вопросу алекситимии и тревожности в подростковой среде указывают на масштабы этой проблемы [16, 17]. В то же время в нашей стране этот вопрос недостаточно изучен. Немногочисленные публикации, посвященные проблеме тревожности у подростков с разным уровнем алекситимии в России, касаются в основном групп европейского происхождения (русские, украинцы) [1; 6]. Сведения о распространённости алекситимии и ее взаимосвязи с фактором «тревожности» у подростков коренных жителей Сибири, в частности хакасов, малочисленны и носят фрагментарный характер.

Цель исследования – изучить фактор «тревожности» у подростков разных популяционных групп Сибири с алекситимией с учетом возраста и гендерной принадлежности, этнического происхождения и региональных особенностей, установить взаимосвязи.

Материалы и методы

Обследованы подростки 11-18 лет из центральных и южных территорий Сибири, обучающиеся в общеобразовательных учреждениях. Общая выборка составила 1045 человека. Интервьюирование подростков Центральной Сибири проводилось в г. Красноярске. Обследованы школьники/европеоиды (русские, украинцы): 543 подростка (261 мальчик и 282 девочки). Юг Сибири представлен в настоящем исследовании Республикой Хакасия (РХ, г. Абакан). Коренным населением республики являются хакасы, которые по данным генетического исследования относятся к одной из азиатских по происхождению групп с наибольшей долей монголоидного расового компонента [18]. Помимо хакасов-монголоидов в

республике проживают представители славянского этноса - европеоиды (русские, украинцы). В г. Абакане обследовано 239 хакасских школьников (103 мальчика и 136 девочек) и 263 школьника-европеоида (113 мальчиков и 150 девочек).

Исследование одобрено Этическим комитетом ФГБНУ ФИЦ КНЦ СО РАН. Подростки были клинически здоровые. Сбор информации проводился в начале учебного года (сентябрь, октябрь) в течение трех лет (2021 г., 2022 г., 2023 г.). После получения информированного согласия родителей ученики заполняли анкеты.

Для изучения алекситимии у подростков применялась широко используемая в разных областях медицины Торонтская алекситимическая шкала (TAS-26), разработанная G.J. Taylor и соавт. [4]. Торонтская шкала алекситимии включает 26 утверждений, оцениваемых в баллах, подсчет которых проводится в соответствии с ключом, оценивается общий балл. Согласно нормативным интервалам TAS-26 теста выделяют следующие варианты алекситимии: общий балл ≤ 62 баллов: низкая степень алекситимии (отсутствие признаков алекситимии, ОПА); общий балл в диапазоне 63 - 73 балла: средняя степень алекситимии (группа риска по алекситимии, ГРА); общий балл ≥ 74 баллов: высокая степень алекситимии (наличие алекситимии, НПА).

Фактор «тревожности» оценивали при помощи «Шкалы реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилберга – Ю.Л. Ханина [11].

Цифровой материал обработан стандартным пакетом программ STATISTICA, ver. 10.0. Статистический анализ качественных признаков осуществляется путем подсчетом относительной частоты, или доли (%). Оценка доверительного интервала (95% ДИ) для долей и частот проводится по методу Уилсона. Сравнение групп по качественному бинарному признаку оценивается с помощью критерия Pearson χ^2 . При описании статистических показателей указывается абсолютное значение Pearson χ^2 и статистическая значимость различий (p). Анализ зависимости признаков производится при помощи непараметрического коэффициента корреляции по Спирмену. Различия считаются значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Данные о распространенности алекситимии среди подростков центральных и южных регионов Сибири представлены на рисунке 1.

Среди всех респондентов с ОПА самой многочисленной была группа подростков-европеоидов РХ с ОПА (41,2%; 108 человек) как в сравнении

с подростками г. Красноярска с ОПА ($P=0,0123$), так и в сопоставлении с подростками-хакасами РХ с ОПА ($P=0,0048$). В группе испытуемых с НПА большей по численности была когорта подростков-хакасов с НПА (42,2%, 82 человека) в сравнении аналогичной группой подростков-европеоидов РХ ($P=0,0447$), подростки г. Красноярска с НПА (32,7%, 177 человек) занимают промежуточное положение. Статистически значимых различий среди респондентов категории ГРА не выявлено. Полученные данные указывают на преобладание среди хакасских подростков высокоалекситимичных индивидов со свойственным дефицитом в когнитивно-эмоциональной сфере, в то время как среди подростков-европеоидов преимущественно РХ чаще регистрируются неалекситимичные индивиды.

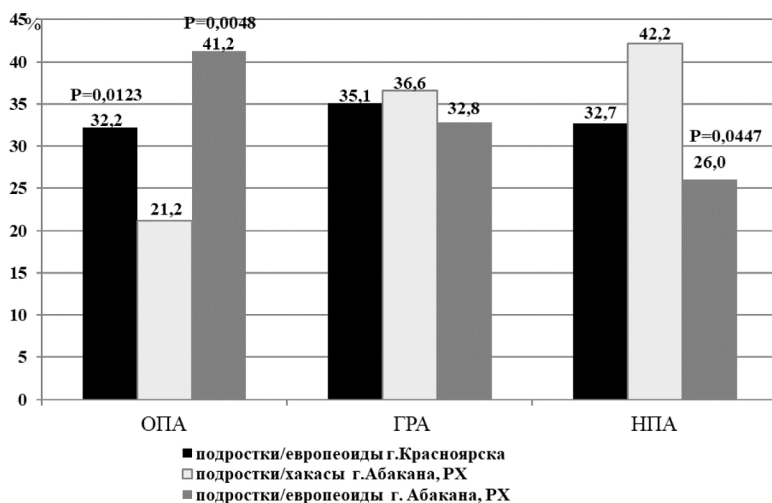

Рис. 1. Варианты алекситимии у подростков разных популяционных групп Сибири по Торонтской шкале алекситимии

Примечание: статистически значимые различия между подростками-европеоидами РХ и подростками г. Красноярска ($P=0,0123$); между подростками-европеоидами РХ и подростками-хакасами ($P=0,0048$), ($P=0,0447$).

Вероятно, лабильное состояние психоэмоциональной сферы хакасских подростков может быть генетически обусловлено [19]. По интересующему нас вопросу не обнаружено научных публикаций, посвященных хакасам. В то же время имеются единичные публикации, касающиеся другого самобытного сибирского этноса, проживающего на юге Сибири и являющегося территориально ближайшим соседом хакасов – тувинцев [20]. Сибирскими

учеными-генетиками обнаружена связь уровня личностной тревожности с полиморфными вариантами гена транспортера серотонина (5-НТТ) у сибиряков/европеоидов (русских) и этнических тувинцев. Авторы констатируют высокий уровень личностной тревожности у носителей генотипа SS, фиксируя достоверно высокую частоту S-аллель гена 5-НТТ в группе тувинцев. В то же время невысокий уровень личностной тревожности регистрируется у носителей генотипа LL, высокая частота которого (L-аллель гена 5-НТТ) выявляется у русских. Однако современная медицинская наука связывает проблему этнопсихологического своеобразия индивида не только с особенностями генетического фона, но и с социокультурными условиями.

Интересным в этом плане представляется работа Ю. Г. Кустовой, в которой автор указывает на отличительные качества хакасских подростков: скромность, застенчивость, сдержанность в проявлениях чувств и связывает их наличие с традиционной культурой хакасского народа, основанной на общепринятых восточных ценностях (уважение к старшим, заботливость) [8]. Эти социокультурные установки хакасских подростков сказываются на формировании копинг-стратегий у них. По данным Т.Г. Бохан и соавт. у хакасских подростков встречаются чаще в сравнении с другими сибирскими этносами такие неадаптивные копинг-стратегии как «подавление эмоций» и «диссимиляция» [7].

Принимая во внимание значимость фактора «тревожности» в структуре алекситимической личности далее изучали ситуативную и личностную тревожность по Ч.Д. Спилбергеру у подростков с алекситимией с учетом возраста. Результаты приведены в таблице 1.

Умеренный (нормальный) уровень ситуативной тревожности среди подростков-европеоидов г. Красноярска вне зависимости от возраста регистрируется у преобладающего большинства испытуемых (63,4%-65,1%). Наряду с этим низкая (также нормальная) ситуативная тревожность у подростков-красноярцев встречается преимущественно среди неалекситимичных респондентов (группа с ОПА) в сравнении с респондентами ГРА ($P=0,0113$; $P=0,0259$) и младшими подростками с НПА ($P=0,0016$). Среди старших подростков с НПА индивиды с низкой ситуативной тревожностью наблюдаются в единичных случаях, а потому нами не учитываются. В то же время у испытуемых отмечается рост высокой ситуативной тревожности по мере нарастания алекситимических признаков в структуре личности у подростков обеих возрастных групп с НПА ($P=0,0001$; $P<0,001$) и ГРА ($P=0,0255$; $P=0,0148$) в сравнении с аналогичными возрастными группами подростков с ОПА.

Таблица 1.

**Уровень ситуативной и личностной тревожности по Ч.Д. Спилбергеру
у подростков разных популяционных групп Сибири с алекситимией
с учетом возраста (в%)**

Тревож- ность	ОПА (≤62 баллов)		ГРА (63-73 баллов)		НПА (≥74 баллов)		χ ²	Р по χ ²
	Подростки-европеоиды г. Красноярск							
	11-14 n=83	15-18 n=93	11-14 n=110	15-18 n=81	11-14 n=102	15-18 n=74		
	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]		
	Шкала « Ситуативная тревожность»							
Низкая ($<30б.$)	18,1 11,3-27,7	17,2 10,9-26,2	6,4 3,2-12,6	6,2 2,7-13,6	3,9 1,6-9,6	-	6,42 9,94 4,96	$P_{1-3}=0,0111$ $P_{1-5}=0,0016$ $P_{2-4}=0,0259$
Умеренная (30-45 б.)	65,1 54,3-74,4	63,4 53,3-72,5	62,7 53,4-71,2	55,5 44,7-65,9	51,9 42,3-61,4	43,2 32,5-54,6	6,78 2,34	$P_{2-6}=0,0092$ $P_{3-6}=0,1257$
Высокая ($>45 б.$)	16,7 10,3-26,4	19,3 12,6-28,6	30,9 23,0-40,1	35,8 26,2-46,7	44,1 34,8-53,8	55,4 44,6-66,2	4,99 15,60 4,28 23,40 5,94 4,50	$P_{1-3}=0,0255$ $P_{1-5}=0,0001$ $P_{2-4}=0,0148$ $P_{2-6}<0,001$ $P_{3-6}=0,0143$ $P_{5-6}=0,0386$
	Шкала « Личностная тревожность»							
Низкая ($<30б.$)	5,2 3,4-14,9	15,1 9,2-23,7	-	4,9 2,0-12,0	-	5,4 2,2-13,1	4,21 4,78 4,37	$P_{1-2}=0,0475$ $P_{2-4}=0,0289$ $P_{2-6}=0,0458$
Умеренная (30-45 б.)	62,6 51,9-72,3	55,9 45,8-65,6	60,0 50,6-68,7	39,5 29,5-50,4	52,0 42,3-61,4	31,1 21,7-42,4	4,67 10,27 7,00 7,62	$P_{2-4}=0,0307$ $P_{2-6}=0,0014$ $P_{3-4}=0,0082$ $P_{5-6}=0,0058$
Высокая ($>45 б.$)	32,1 21,3-40,7	29,0 20,8-39,0	40,0 31,3-40,4	53,1 42,3-63,6	48,0 38,6-57,6	62,2 50,7-72,4	11,34 7,39 5,24 18,38	$P_{1-5}=0,0008$ $P_{1-3}=0,0065$ $P_{2-4}=0,0221$ $P_{2-6}<0,001$
	Подростки-хакасы г. Абакана, РХ							
	11-14 n=19	15-18 n=51	11-14 n=47	15-18 n=42	1 1 - 1 4 n=56	15-18 n=24		
	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]		
	Шкала «Ситуативная тревожность»							
Низкая ($<30б.$)	26,3 11,9-49,1	43,1 30,5-56,8	8,5 3,5-20,0	16,7 8,4-30,7	-	-	3,6 15,79	$P_{1-3}=0,0563$ $P_{2-4}=0,0061$
Умеренная (30-45 б.)	52,6 31,5-72,8	41,2 28,7-54,9	48,9 35,2-62,8	50,0 35,5-64,5	30,3 19,9-43,4	37,5 30,9-68,2	3,06 1,33	$P_{1-5}=0,0805$ $P_{2-4}=0,2438$
Высокая ($>45 б.$)	21,1 8,7-43,7	15,7 7,5-28,1	42,5 29,5-56,8	33,3 21,0-48,5	69,6 56,6-80,1	62,5 33,8-75,1	13,107,84 3,69 3,97	$P_{1-3}=0,0003$ $P_{1-5}=0,0002$ $P_{2-4}=0,0463$ $P_{2-6}=0,0051$
	Шкала «Личностная тревожность»							
Низкая ($<30б.$)	26,3 11,9-49,1	21,6 12,5-34,7	10,6 4,7-22,6	11,9 5,3-25,1	5,4 2,9-15,3	16,7 6,8-36,1	3,71 4,20	$P_{1-5}=0,0622$ $P_{2-4}=0,0405$

Умеренная (30-45 б.)	52,6 31,5-72,8	49,0 35,8-62,4	36,2 24,0-50,5	35,7 23,0-50,9	17,8 10,0-29,9	29,2 14,9-49,4	8,77 2,63	$P_{1-3}=0,0037$ $P_{2-6}=0,1049$
Высокая (>45 б.)	21,1 8,7-43,7	29,4 18,7-43,1	53,2 39,2-66,7	52,4 37,6-66,7	76,7 60,3-85,0	54,2 34,9-72,2	5,67 16,00 5,07 20,53 4,03	$P_{1-3}=0,0172$ $P_{1-5}=0,0001$ $P_{2-4}=0,0243$ $P_{2-6} < 0,001$ $P_{3-6}=0,0447$
Подростки-европеиды г. Абакана, РХ								
	11-14 n=23	15-18 n=85	11-14 n=39	15-18 n=46	11-14 n=37	15-18 n=33		
	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]		
Шкала «Ситуативная тревожность»								
Низкая (<30б.)	16,6 3,7-37,9	39,8 31,6-48,7	-	14,9 8,4-25,4	-	-	4,06 12,57	$P_{1-3}=0,0440$ $P_{2-4}=0,0004$
Умеренная (30-45 б.)	83,4 59,0-99,6	51,2 42,5-59,9	40,0 16,7-69,2	50,7 39,0-62,4	55,6 26,2-81,3	39,6 27,0-53,8	6,01 11,39 5,00	$P_{1-3}=0,0143$ $P_{1-5}=0,0007$ $P_{1-5}=0,0254$
Высокая (>45 б.)	-	8,9 5,1-15,3	60,0 30,8-83,2	34,3 24,1-46,3	44,4 18,7-73,7	60,4 46,2-73,0	19,02 28,05	$P_{2-4} < 0,001$ $P_{2-6} < 0,001$
Шкала «Личностная тревожность»								
Низкая (<30б.)	-	26,0 19,1-34,4	-	3,0 0,9-10,2	-	-	15,66	$P_{2-4}=0,0001$
Умеренная (30-45 б.)	83,3 42,1-96,3	56,9 48,1-65,3	50,0 23,4-76,6	53,7 41,9-65,2	55,4 25,7-73,7	25,0 14,9-38,9	6,08 14,09 11,30	$P_{1-3}=0,0136$ $P_{2-6}=0,0002$ $P_{5-6}=0,0016$
Высокая (>45 б.)	16,7 3,7-57,9	17,1 11,5-24,7	50,0 23,4-76,6	43,3 32,1-55,2	44,6 18,7-73,7	75,0 61,1-85,0	5,99 4,27 15,37 35,13 7,60	$P_{1-3}=0,0144$ $P_{1-5}=0,0389$ $P_{2-4}=0,0001$ $P_{2-6} < 0,001$ $P_{5-6}=0,0058$

Кроме того в группе старших подростков определяются статистически значимые различия по фактору ситуативной тревожности между подростками ГРА и респондентами с НПА ($P=0,0143$).

Динамика показателя личностной тревожности по опроснику Ч.Д. Спилбергера у подростков-европеидов г. Красноярска с алекситимией с учетом возраста подобна распределению ситуативной тревожности у них. У преобладающего большинства подростков регистрируется умеренный (нормальный) уровень личностной тревожности (55,9%-62,6%), что является естественной и неотъемлемой частью активной деятельности любого человека [4]. При этом младшие подростки независимо от степени алекситимии в сравнении со старшеклассниками демонстрируют статистически значимо чаще умеренную личностную тревожность в ГРА ($P=0,0082$) и в группе с НПА ($P=0,0058$). Высокая личностная тревожность статистически значимо чаще регистрируется у подростков обеих возрастных групп с НПА ($P=0,0008$; $P < 0,001$) и ГРА ($P=0,0065$; $P=0,0221$). Низкий уровень личностной тревожности среди

учащихся встречается в небольшом проценте случаев (4,9%-15,1%), причем старшие подростки с ОПА чаще обнаруживают низкую личностную тревожность ($P=0,0475$) в сравнении с младшими подростками.

У подростков-хакасов с разным уровнем алекситимии независимо от возраста умеренный уровень ситуативной тревожности фиксируется не реже чем у каждого третьего респондента (30,3%-54,2%) и низкий уровень - в интервале (8,5%-43,1%) у респондентов с ОПА и ГРА. Высокий уровень ситуативной тревожности статистически значимо чаще встречается у подростков-хакасов ГРА ($P=0,0003$; $P=0,0463$) и респондентов-хакасов с НПА ($P=0,0002$; $P=0,0051$) в сравнении с учащимися с ОПА.

Исследование по шкале «личностная тревожность» у школьников-хакасов выявляет умеренный уровень личностной тревожности независимо от возраста у половины респондентов с ОПА (49,0%-51,2%). В категории ГРА и НПА частота умеренной личностной тревожности снижается, доходя до уровня статистической значимости в группе младших подростков-хакасов с НПА ($P=0,0037$) в сопоставлении с аналогичной группой школьников-хакасов с ОПА. Низкая личностная тревожность независимо от возраста регистрируется практически у каждого четвертого респондента-хакаса с ОПА (21,6%-26,3%) с тенденцией к снижению в других группах, доходя до степени статистической значимости среди старших подростков ГРА ($P=0,0405$) в сравнении со сверстниками с ОПА. Высокий уровень личностной тревожности статистически значимо чаще демонстрируют подростки-хакасы разного возраста ГРА ($P=0,0172$; $P=0,0243$) и группы с НПА ($P=0,0001$; $P<0,001$) против ровесников с ОПА.

Исследование уровня ситуативной и личностной тревожности у подростков-европеоидов РХ с алекситимией выявляет аналогичную с подростками-европеоидами г. Красноярска структуру ситуативной и личностной тревожности. У подростков-европеоидов РХ умеренный уровень ситуативной тревожности регистрируется практически у половины всех респондентов-европеоидов РХ (49,8%; 131 чел.), причем младшие подростки-европеоиды с ОПА чаще ($P=0,0143$) демонстрируют умеренную ситуативную тревожность, в то время как низкую ситуативную тревожность - чаще старшие подростки с ОПА ($P=0,0440$). Рост частоты высокой ситуативной тревожности прослеживается в группах старших подростков ГРА ($P<0,001$) и с НПА ($P<0,001$) в сравнении с ровесниками с ОПА.

Умеренный уровень личностной тревожности у респондентов-европеоидов РХ разного возраста с алекситимией регистрируется не реже чем у каждого второго испытуемого (50,0%-83,3%) за исключением группы старших подростков с НПА (25,0%, 8 чел.). Частота высокого уровня лич-

ностной тревожности возрастает в обеих возрастных группах респондентов ГРА ($P=0,0144$; $P=0,0001$) и с НПА ($P=0,0389$; $P<0,001$). Наблюдается возрастная динамика фактора личностной тревожности, сопровождающаяся снижением частоты умеренной личностной тревожности среди старших подростков в сравнении с младшими подростками в группах с ОПА ($P=0,0136$) и с НПА ($P=0,0016$) и ростом частоты высокой личностной тревожности в группе старшеклассников с НПА ($P=0,0058$). Низкий уровень личностной тревожности регистрируется только у каждого четвертого старшеклассника с ОПА (26,0%, 22 чел.).

Суммируя данные, следует констатировать рост высокой ситуативной и личностной тревожности у подростков независимо от возраста по мере накопления признаков алекситимии в структуре личности. Психологическими особенностями возрастного порядка следует считать увеличение частоты низкой личностной тревожности на фоне снижения умеренной личностной тревожности в группе старших подростков.

Затем проанализировали ситуативную и личностную тревожность по Ч.Д. Спилбергеру у подростков с алекситимией с учетом гендерной принадлежности. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Уровень ситуативной и личностной тревожности по Ч.Д. Спилбергеру у подростков разных популяционных групп Сибири с алекситимией с учетом гендерной принадлежности (в%)

Тревожность	ОПА (≤ 62 баллов)		ГРА (63-73 баллов)		НПА (≥ 74 баллов)		χ^2	Р по χ^2
	мальчики n=93	девочки n=83	мальчики n=93	девочки n=98	мальчики n=75	девочки n=101		
	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]		
Подростки-европеоиды г. Красноярск								
Шкала « Ситуативная тревожность»								
Низкая (<306 .)	19,3	15,7	6,5	6,1	5,3		6,89	$P_{1-3}=0,0087$
	12,6-28,6	9,4-25,0	3,0-13,4	2,9-12,7	2,2-12,9	4,9 2,2-11,1	7,17 4,35 5,92	$P_{1-5}=0,0074$ $P_{2-4}=0,0369$ $P_{2-6}=0,0149$
Умеренная (30-45 б.)	69,9	57,8	58,1	61,2	54,7	39,6	4,13	$P_{1-2}=0,0421$
	59,9-78,3	47,1-67,9	47,9-67,6	51,3-70,3	43,4-65,4	30,6- 49,4	3,93	$P_{1-5}=0,0474$
Высокая (>45 б.)	10,7	26,5	35,5	32,6	40,0		7,32	$P_{1-2}=0,0068$
	6,0-18,7	18,2-36,9	26,5-45,6	24,2-42,5	29,6-51,3	55,4 45,7-64,8	16,00 19,58 15,62 4,11	$P_{1-5}=0,0001$ $P_{1-5}<0,001$ $P_{2-6}=0,0001$ $P_{5-6}=0,0427$
Шкала « Личностная тревожность»								
Низкая (<306 .)	16,1	6,0	4,3	-	5,3	-	4,45	$P_{1-2}=0,0350$
	10,0-24,9	2,7-13,3	1,7-10,5		2,2-12,9		7,09 4,82	$P_{1-3}=0,0077$ $P_{1-5}=0,0281$

Умеренная (30-45 б.)	64,5 54,4-73,5	67,5 56,8-76,6	60,2 50,0-69,6	42,9 33,5-52,8	58,7 47,3-69,3	31,7 23,4-41,3	38,95 10,96 5,75 12,23	$P_{2-4}=0,0009$ $P_{2-4}<0,001$ $P_{2-6}=0,0164$ $P_{3-4}=0,0004$
Высокая (>45 б.)	19,3 12,6-28,6	39,8 29,9-50,5	35,5 26,5-45,6	57,1 47,2-66,5	36,0 26,0-47,3	68,3 58,7-76,7	8,87 5,87 5,43 15,04 9,00 18,13	$P_{1-2}=0,0029$ $P_{1-5}=0,0154$ $P_{2-4}=0,0198$ $P_{2-6}=0,0001$ $P_{3-4}=0,0027$ $P_{3-6}<0,001$
Подростки-хакасы г. Абакана, РХ								
	мальчики n=28	девочки n=42	мальчики n=46	девочки n=43	мальчики n=29	девочки n=51		
	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]		
Шкала «Ситуативная тревожность»								
Низкая (<30б.)	46,4 29,4-64,3	33,3 21,0-48,5	10,9 4,8-23,1	18,9 6,6-27,3	-	-	11,96 4,44	$P_{1-3}=0,0005$ $P_{1-3}=0,0352$
Умеренная (30-45 б.)	39,3 23,5-57,7	42,5 31,2-60,1	60,9 46,4-73,6	28,2 24,3-52,2	44,8 28,3-62,6	33,3 22,0-47,1	4,98	$P_{3-4}=0,0257$
Высокая (>45 б.)	14,3 5,8-31,7	21,4 11,7-36,0	28,3 17,3-42,6	53,8 34,6-63,3	55,2 37,4-71,6	66,7 52,9-78,0	10,46 3,99 6,99 18,96	$P_{1-5}=0,0012$ $P_{1-3}=0,0459$ $P_{2-6}=0,0082$ $P_{2-6}<0,001$
Шкала «Личностная тревожность»								
Низкая (<30б.)	28,6 15,3-47,2	19,0 10,0-33,4	-	-	-	-		
Умеренная (30-45б.)	50,0 32,5-67,5	50,0 35,5-64,5	45,6 32,1-59,9	39,5 26,3-54,5	34,5 19,9-52,8	23,5 14,0-36,8	7,05	$P_{2-6}=0,0079$
Высокая (>45 б.)	21,4 10,3-39,7	30,9 19,1-46,1	50,0 36,1-63,9	55,8 41,0-69,6	58,6 40,6-74,5	70,6 56,9-81,3	5,96 8,19 5,34 14,52	$P_{1-3}=0,0146$ $P_{1-5}=0,0042$ $P_{2-4}=0,0208$ $P_{2-6}=0,0001$
Подростки-европеиды г. Абакана, РХ (n= 263)								
	мальчики n=56	девочки n=73	мальчики n=31	девочки n=46	мальчики n=26	девочки n=31		
	[1]	[2]	[3]	[4]	[5]	[6]		
Шкала «Ситуативная тревожность»								
Низкая (<30б.)	33,9 22,9-47,1	45,2 34,3-56,6	12,9 5,3-29,0	13,0 6,2-25,7	-	-	4,54 13,25	$P_{1-3}=0,0332$ $P_{1-3}=0,0003$
Умеренная (30-45 б.)	51,8 39,0-64,4	47,9 36,8-59,2	48,4 31,9-65,3	50,0 36,1-63,9	42,3 25,5-61,2	41,9 26,4-59,3		
Высокая (>45 б.)	14,3 7,5-25,8	6,8 3,0-15,1	38,7 23,7-56,3	36,9 24,5-51,5	57,7 38,8-74,5	58,1 40,6-73,6	6,72 16,58 16,97 33,14	$P_{1-3}=0,0095$ $P_{1-5}<0,001$ $P_{2-4}<0,001$ $P_{2-6}<0,001$
Шкала «Личностная тревожность»								
Низкая (<30б.)	32,1 21,4-45,2	21,9 14,0-32,7	6,4 2,0-20,8	6,5 2,4-17,5	-	-	7,44 10,71	$P_{1-3}=0,0064$ $P_{1-3}=0,0256$
Умеренная (30-45 б.)	53,6 40,6-66,0	57,5 46,1-68,2	58,1 40,6-73,6	39,1 26,4-53,6	46,2 36,3-59,7	38,7 23,7-56,3	3,82	$P_{2-4}=0,0506$
Высокая (>45 б.)	14,3 7,5-25,8	20,5 12,9-31,2	35,5 21,1-53,2	54,3 40,1-67,9	53,8 66,3-93,7	61,3 43,7-76,3	5,25 37,86 14,45 16,4	$P_{1-3}=0,0219$ $P_{1-5}<0,001$ $P_{2-4}=0,0001$ $P_{2-6}=0,0001$

Среди подростков г. Красноярска независимо от пола умеренная ситуативная тревожность регистрируется у преобладающего большинства подростков с различным уровнем алекситимии (39,6%-69,9%). Умеренная ситуативная тревожность у девочек с НПА фиксируется статистически значимо реже ($p=0,0474$) против мальчиков с НПА. Нарастание признаков алекситимии у подростков обоих полов г. Красноярска сопровождается статистически значимым убыванием низкой ситуативной тревожности в категории ГРА ($P=0,0087$; $P=0,0369$) и с НПА ($P=0,0074$; $P=0,0149$), и соответственно, ростом высокой ситуативной тревожности у мальчиков ГРА ($P=0,0001$) и с НПА ($P<0,0001$) и у девочек с НПА ($P=0,0001$) в сравнении с аналогичными группами испытуемых с ОПА. Обращает внимание факт исходно большей частоты высокой ситуативной тревожности у девочек с ОПА ($P=0,0068$) в сравнении с мальчиками этой же группы. Аналогичные гендерные различия выявляются по показателю высокой ситуативной тревожности у подростков с НПА ($P=0,0427$).

Умеренная личностная тревожность у красноярских подростков с учетом гендерной принадлежности находится в диапазоне 31,7%-67,5%. При этом мальчики-подростки независимо от уровня алекситимии демонстрируют стабильно высокую частоту умеренной личностной тревожности (54,7%-69,9%), в то время как у девочек-подростков регистрируется снижение частоты умеренной личностной тревожности по мере роста признаков алекситимии: в группе девочек ГРА ($p=0,0009$) и с НПА ($p=0,0001$) против девочек с ОПА. Примечательно, что девочки с разной степенью алекситимии чаще демонстрируют высокий уровень личностной тревожности в группах с ОПА ($P=0,0004$), ГРА ($P=0,0164$) и с НПА ($P=0,0031$) в сравнении с мальчиками их этих групп. Низкий уровень личностной тревожности чаще регистрируется в группе мальчиков с ОПА ($P=0,0350$).

Далее изучили фактор «тревожности» у подростков коренного населения РХ с алекситимией с учетом гендерной принадлежности. Умеренный уровень ситуативной тревожности среди девочек-хакасок регистрируется реже, имея статистически значимые различия в категории девочек-хакасок ГРА ($P=0,0257$) в сравнении с мальчиками-хакасами из этой группы. Низкий уровень ситуативной тревожности в группе подростков-хакасов с ОПА встречается довольно часто у мальчиков (46,4%; 12 человек) и девочек (33,3%; 13 человек), и частота его снижается у подростков ГРА: у мальчиков ($P=0,0352$) и у девочек ($P=0,0005$) в сравнении с аналогичными гендерными группами хакаских подростков с ОПА. Независимо от гендерной принадлежности частота высокой ситуативной тревожности у

подростков-хакасов возрастает с увеличением признаков алекситимии: у мальчиков-хакасов с НПА ($P < 0,001$) и у девочек-хакасов с НПА ($P = 0,0012$) в сравнении с аналогичными гендерными группами подростков с ОПА, а также в группе мальчиков-хакасов ГРА ($P = 0,0082$) в сопоставлении с мальчиками-хакасами с ОПА. Гендерные различия у подростков-хакасов по уровню ситуативной тревожности характеризуются ростом высокотреховых индивидов среди девочек-хакасов НПА ($P = 0,0459$) с сравнении с мальчиками-хакасами этой же группы.

Умеренная личностная тревожность у подростков-хакасов обоих полов в группах с разной степенью алекситимии регистрируется не реже чем у каждого третьего испытуемого (34,5%-50,0%). Исключение составляют девочки-хакаски с НПА (23,5%;), в группе которых зафиксированы статистически значимые различия ($P = 0,0079$) в сопоставлении с аналогичной группой хакаских девочек с ОПА. Низкий уровень личностной тревожности регистрируется у каждого пятого респондента в группе подростков-хакасов с ОПА (19,0-28,6%), в остальных анализируемых группах низкий уровень отмечается в единичных случаях и нами не учитывается. Динамика показателя высокой личностной тревожности у подростков-хакасов независимо от гендера сопровождается его увеличением по мере нарастания признаков алекситимией: среди подростков ГРА ($P = 0,0164$; $P = 0,0208$) и в группе с НПА ($P = 0,0042$; $P = 0,0001$) в сопоставлении с аналогичными группами подростков-хакасов с ОПА.

Затем фактор «тревожности» оценили у подростков-европеоидов РХ с учетом гендерной принадлежности. Умеренная ситуативная тревожность у подростков-европеоидов РХ сохраняется на относительно стабильном уровне в разных по степени алекситимии группах (41,9%-51,8%). Частота низкой ситуативной тревожности независимо от гендера убывает в группах подростков-европеоидов РХ с алекситимией: у подростков ГРА ($P = 0,0332$; $P = 0,0003$) в сравнении с подростками с ОПА. Изменения показателя высокой ситуативной тревожности у подростков-европеоидов РХ независимо от гендера характеризуются его ростом в группах с алекситимией: ГРА ($P = 0,0095$; $P < 0,001$) и в группе НПА ($P < 0,001$) в сопоставлении с ОПА. По шкале «личностная тревожность» подростки-европеоиды РХ демонстрируют относительно стабильный показатель умеренной личностной тревожности в своих группах (38,7%-54,7%). Частота низкой личностной тревожности независимо от гендера снижается у испытуемых ГРА ($P = 0,0064$; $P = 0,0256$). Наблюдается рост показателя высокой личностной тревожности у респондентов-европеоидов обоих полов РХ в ГРА ($P = 0,0219$; $P = 0,0001$) и в группе с НПА ($P < 0,001$; $P = 0,0001$).

Суммируя данные, следует отметить гендерные особенности фактора «тревожности» в подростковом возрасте. Независимо от этнической принадлежности девочки-подростки с алекситимией демонстрируют в 1,3-2,0 раза чаще высокий уровень ситуативной и личностной тревожности. Полученные результаты согласуются с данными других авторов, подчеркивающих гендерный характер различий в эмоциональной сфере [21].

Установлены региональные особенности фактора «тревожности» у подростков-европеоидов с алекситимией, проявляющиеся высокой ситуативной тревожностью преимущественно у мальчиков-европеоидов РХ с НПА (мальчики-европеоиды РХ с НПА: 57,7%; 15 чел., 95% ДИ 38,8-74,5 и мальчики-красноярцы с НПА 40,0%; 30 чел., 95% ДИ 29,6-51,3; $\chi^2=4,01$; $P=0,0478$). Согласно данным литературы уровень ситуативной тревожности у подростков зависит в большей степени от социально-бытовых факторов и условий воспитания [1, 3]. По всей видимости, подростки-европеоиды РХ (проживают в небольшом городе) реже сталкиваются с оценочными ситуациями и так называемая «тестовая тревожность» у них оказывается выше, что отражает в целом их ситуативную (оценочную) тревожность, нормальный уровень которой исходно оказался сниженным. На это указывает реже встречающийся умеренный уровень ситуативной тревожности в группе мальчиков-европеоидов РХ с ОПА в сравнении с аналогичной группой мальчиков-красноярцев (мальчики-европеоиды РХ с ОПА: 51,8%; 29 чел., 95% ДИ 39,0-64,4 и мальчики-красноярцы с ОПА 69,9%; 65 чел., 95% ДИ 59,9-78,3; $\chi^2=8,63$; $P=0,0033$).

Этнические особенности фактора «тревожности» у подростков с разным уровнем алекситимии характеризуются небольшой частотой умеренной (нормальной) ситуативной тревожности у подростков-хакасов, определяемые как среди хакаских мальчиков с ОПА (мальчики-хакасы с ОПА: 39,3%; 11 чел., 95% ДИ 23,5-57,7 и мальчики-европеоиды РХ с ОПА: 51,8%; 29 чел., 95% ДИ 39,0-64,4; $\chi^2=4,92$; $P=0,0265$), так и среди хакаских девочек в ГРА (девочки-хакаски ГРА: 28,2%; 12 чел., 95% ДИ 24,3-52,2 и девочки-европеоиды РХ ГРА: 50,0%; 23 чел., 95% ДИ 36,1-63,9; $\chi^2=4,55$; $P=0,0330$) в сопоставлении с аналогичными гендерными группами подростков-европеоидов РХ.

Выявлены положительные корреляционные связи показателя алекситимии с уровнем тревожности по шкале Ч.Д. Спилбергера у подростков г. Красноярска: нарастание признаков алекситимии сопровождается ростом ситуативной ($R=0,47$; $P<0,001$; для $N=543$) и личностной тревожности ($R=0,56$; $P<0,001$; для $N=543$). Аналогичные корреляционные взаимосвязи

установлены в группе подростков-хакасов PX: рост ситуативной ($R=0,42$; $P<0,001$; для $N=239$) и личностной тревожности ($R=0,34$; $P<0,001$; для $N=239$) с увеличением признаков алекситимии; а также у подростков-европеоидов PX: увеличение ситуативной ($R=0,49$; $P<0,001$; для $N=263$) и личностной тревожности ($R=0,47$; $P<0,001$; для $N=263$) при повышении признаков алекситимии.

Заключение

Таким образом, наиболее «уязвимыми» в плане формирования высоко-тревожной алекситимической личности среди подростков разных популяционных групп Сибири оказываются подростки-хакасы, а по гендерной принадлежности – девочки, по возрасту - старшие подростки.

Выявление среди практически здоровых подростков высокотревожных алекситимичных индивидов необходимо для своевременного проведения профилактических мероприятий психолого-педагогического и медицинского плана, что позволит снизить риск психосоматических нарушений и девиантного поведения у них.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Денисова Е.Г., Быкова Я.А. Исследование совладающего поведения и саморегуляции старших подростков в зависимости от уровня тревожности и алекситимии // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2023. № 1. Т. 23. С.47-56.
2. Justicia M.R., Saam M.C., Flamarique I. Subgrouping children and adolescents with disruptive behaviors: symptom profiles and the role of callous-unemotional traits // Eur Chil Adolesc. Psychiatry. 2022. Vol. 31, No. 1. P. 51-66. <https://doi.org/10.1007/s00787-020-01662-w>
3. Горобец Е.А., Есин Р.Г., Вольская Ю.А. Междисциплинарное изучение алекситимии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2022. № 1–2. Т. 164. С. 180–196. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196>
4. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.: Книга по Требованию, 2021. Т. 1. 392 с.
5. Xu P., Opmeer E.M., van Tol M.J. Structure of the alexithymic brain: A parametric coordinate-based meta-analysis // Neurosci Biobehav Rev. 2018, Vol. 87. P. 50-55. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2018.01.004>

6. Сурова Т.С. К вопросу о диагностике вторичной алекситимии как последствия детской психотравмы: психологический феномен // *Universum: психология и образование*. 2022. № 1. Т. 91. С. 22-26. <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2022.91.1.12903>
7. Бохан Т.Г. Этнопсихологические, гендерные и возрастные особенности совладающего поведения подростков и юношей разных национальностей Сибирского региона // *Сибирский психологический журнал*. 2005. №22. С. 71-78.
8. Кустова Ю.Г. Чувства и эмоции в хакасской семье // *Кунсткамера*. 2018. № 2. С.39-45. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-39-45>
9. Лушников О.Л. Монопрофильные территории Хакасии: социальное самочувствие населения // *Регионалистика*. 2020. №4. Т. 7. С. 53-61. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.4.53>
10. Авдеева Н.Н., Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. М: АСТ, СПб: Прайм Евроникс, 2009. 811 с.
11. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.
12. Москаленко О.Л., Пуликов А.С. Оценка уровня тревожности юношей в условиях санитарно-защитной зоны горно-химического комбината (ГХК) // *В мире научных открытий*. 2015. № 2(62). С. 108-125. <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-2-7>
13. Zaitseva O., Klimatskaya L., Kolodyazhnaya T. et al. Features of the emotional status of schoolchildren with different profiles of the lateral phenotype // *Puls Uczelni*. 2014. Vol. 8, No. 2, P. 4-8.
14. Hawes M.T., Szenczy A.K., Klein D.N., Hajcak G., Nelson B.D. Increases in depression and anxiety symptoms in adolescents and young adults during the COVID-19 pandemic // *Psychol. Med.* 2022. Vol. 52, No. 14, P. 3222-3230. <https://doi.org/10.1017/S0033291720005358>
15. Roberts C. Impact and centrality of attention dysregulation on cognition, anxiety, and low mood in adolescents // *Sci Rep*. 2023, Vol. 13, No. 1. P. 9106. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-34399-y>
16. Скрынникова Н.В. Личностная тревожность и ее проявление в младшем подростковом возрасте // *Педагогика: история, перспективы*. 2021. № 1. Т. 4. С. 134-142. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-1-134-142>
17. Li R., Kajanoja J., Karlsson L. et al. Sex-specific role of alexithymia in associations between parental bonding and mental health: A moderated mediation model // *J. Clin. Psychol.* 2023. Vol. 79, No. 1, P. 126-142. <https://doi.org/10.1002/jclp.23372>
18. Kano M., Mizuno T., Kawano Y. et al. Serotonin transporter gene promoter polymorphism and alexithymia // *Neuropsychobiol.* 2012. Vol. 65, No. 2. P. 76-82. <https://doi.org/10.1159/000329554>

19. Степанов В.А., Балановский О.П., Мельников А.В. Характеристика популяций Российской Федерации по панели пятнадцати локусов, используемых для ДНК-идентификации и в судебно-медицинской экспертизе // *Acta naturae*. 2011. № 2. Т. 9. С. 59-71. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2008.08.007>
20. Савостьянов А.Н., Наumenko В.С., Синяков Н.А., Львова М.Н., Левин Е.А., Залешин М.С., Кавай-оол У.Н. Взаимосвязь уровня тревожности с полиморфными вариантами гена серотонинового транспортера у русских и тувинцев // *Вавиловский журнал генетики и селекции*. 2014. Т. 18. № 4-3. С. 1268-1280.
21. Прайзендорф Е.С. Половая идентичность девочек и мальчиков младшего подросткового возраста // *Педагогика и просвещение*. 2022. № 2. С. 116-133. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.35661>

References

1. Denisova E.G., Bykova Ja.A. Issledovanie sovladajushhego povedenija i samoreguljarii starshih podrostkov v zavisimosti ot urovnja trevozhnosti i aleksitimii [Study of coping behavior and self-regulation of older adolescents depending on the level of anxiety and alexithymia]. *Voprosy psicheskogo zdorov'ja detej i podrostkov*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 47-56.
2. Justicia M. R., Saam M.C., Flamarique I. Subgrouping children and adolescents with disruptive behaviors: symptom profiles and the role of callous-unemotional traits. *Eur Chil Adolesc. Psychiatry*, 2022, vol. 31, no. 1, pp. 51-66. <https://doi.org/10.1007/s00787-020-01662-w>
3. Gorobec E.A., Esin R.G., Vol'skaja Ju.A. Mezhdisciplinarnoe izuchenie aleksitimii [Interdisciplinary study of alexithymia]. *Uchen. zap. Kazan. unta. Ser. Gumanit. Nauki*, 2022, vol. 164, no. 1-2, pp. 180-196. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196>
4. Leont'ev A. N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedenija* [Selected psychological works]. M.: Kniga po Trebovaniju, 2021, vol. 1, 392 p.
5. Xu P., Opmeer E.M., van Tol M.J. Structure of the alexithymic brain: A parametric coordinate-based meta-analysis. *Neurosci Biobehav Rev.*, 2018, vol. 87, pp. 50-55. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2018.01.004>
6. Surova T.S. K voprosu o diagnostike vtorichnoy aleksitimii kak posledstviya detskoj psixotravmy: psikhologicheskij fenomen [On the issue of diagnosing secondary alexithymia as a consequence of childhood psychotrauma: a psychological phenomenon]. *Universum: psikhologiya i obrazovanie*, 2022, vol. 91, no. 1, pp. 22-26. <https://doi.org/10.32743/UniPsy.2022.91.1.12903>

7. Bokhan T.G., Galazhinskiy E.V., Meshcheryakova E.I. Etnopsikhologicheskie, gendernye i vozrastnye osobennosti sovladayushchego povedeniya podrostkov i yunoshey raznykh natsional'nostey Sibirskogo regiona [Ethnopsychological, gender and age features of coping behavior of adolescents and young men of different nationalities of the Siberian region]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*, 2005, no. 22, pp. 71-78.
8. Kustova Ju. G. Chuvstva i jemocii v hakasskoj sem'e [Feelings and emotions in a Khakass family]. *Kunstkamera*, 2018, no. 2, pp. 39-45. <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-2-39-45>
9. Lushnikova O.L. Monoprofil'nye territorii Hakasii: social'noe samochuvstvie naselenija [Single-industry territories of Khakassia: social well-being of the population]. *Regionalistika*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 53-61. <https://doi.org/10.14530/reg.2020.4.53>
10. Avdeeva N. N., Meshherjakova B. G., Zinchenko V. P. *Bol'shoy psikhologicheskij slovar'* [Large psychological dictionary]. M: AST, SPb: Prajm Evroznak, 2009, 811 p.
11. Shmelev A.G. *Psichodiagnostika lichnostnyh chert* [Psychodiagnostics of personality traits]. SPb.: Rech Publ., 2002, 480 p.
12. Moskalenko O.L., Pulikov A.S. *Otsenka urovnya trevozhnosti yunoshey v usloviyakh sanitarno-zashchitnoy zony gorno-khimicheskogo kombinata (GKhK)* [Assessment of the level of anxiety of young men in the conditions of the sanitary protection zone of the mining and chemical plant (MCC)]. *V mire nauchnykh otkryti* [Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture], 2015, no. 2(62), pp. 108-125. <https://doi.org/10.12731/wsd-2015-2-7>
13. Zaitseva O., Klimatskaya L., Kolodyazhnaya T. et al. Features of the emotional status of schoolchildren with different profiles of the lateral phenotype. *Puls Uczelni*, 2014, no. 2, vol. 8, pp. 4-8.
14. Hawes M.T., Szenczy A.K., Klein D.N., Hajcak G., Nelson B.D. Increases in depression and anxiety symptoms in adolescents and young adults during the COVID-19 pandemic. *Psychol. Med.*, 2022, vol. 52, no. 14, pp. 3222-3230. <https://doi.org/10.1017/S0033291720005358>
15. Roberts C. Impact and centrality of attention dysregulation on cognition, anxiety, and low mood in adolescents. *Sci Rep.*, 2023, vol. 13, no. 1, p. 9106. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-34399-y>
16. Skrynnikova N.V. Lichnostnaja trevozhnost' I ee pojavlenie v mladshem podrostkovom vozraste [Personal anxiety and its manifestation in early adolescence]. *Pedagogika: istorija, perspektivy*, 2021, vol. 4, pp. 134-142. <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2021-4-1-134-142>

17. Li R., Kajanoja J., Karlsson L. et al. Sex-specific role of alexithymia in associations between parental bonding and mental health: A moderated mediation model. *J. Clin. Psychol.*, 2023, vol.79, no. 1, pp. 126-142. <https://doi.org/10.1002/jclp.23372>
18. Kano M., Mizuno T., Kawano Y. et al. Serotonin transporter gene promoter polymorphism and alexithymia. *Neuropsychobiol.*, 2012, vol. 65, no. 2, pp. 76-82. <https://doi.org/10.1159/000329554>
19. Stepanov V.A., Balanovskiy O.P., Mel'nikov A. V. Kharakteristika populyatsiy Rossiyskoy Federatsii po paneli pyatnadsati lokusov, ispol'zuemykh dlya DNK-identifikatsii i v sudebno-meditsinskoy ekspertize [Characteristics of the populations of the Russian Federation according to a panel of fifteen loci used for DNA identification and forensic medical examination]. *Acta naturae*, 2011, vol. 9, no. 2, pp. 59-71. <https://doi.org/10.1016/j.comppsy.2008.08.007>
20. Savost'janov A.N., Naumenko V.S., Sinjakov N.A., L'vova M.N., Levin E.A., Zaleshin M.S., Kavaj-ool U.N. Vzaimosvjaz' urovnja trevozhnosti s polimorfnyimi variantami gena serotoninovogo transportera u russkikh i tuvincev [The relationship between the level of anxiety and polymorphic variants of the serotonin transporter gene in Russians and Tuvans]. *Vavilovskij zhurnal genetiki i selekcii*, 2014, vol. 18, no. 3-4, pp. 1268-1280.
21. Prajzendorf E.S. Polovaja identichnost' devochek i mal'chikov mladshego podrostkovogo vozrasta [Gender identity of girls and boys of early adolescence]. *Pedagogika i prosveshhenie*, 2022, no. 2, pp. 116–133. <https://doi.org/10.7256/2454-0676.2022.2.35661>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Ольга Исаевна, доктор медицинских наук, главный научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии ФИЦ КНЦ СО РАН
КНЦ СО РАН «НИИ МПС»
ул. Партизана Железняка, 3г, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
1081959@mail.ru

Колодяжная Татьяна Александровна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической патофизиологии ФИЦ КНЦ СО РАН
КНЦ СО РАН «НИИ МПС»
ул. Партизана Железняка, 3г, г. Красноярск, 660022, Российская Федерация
tat2360955@mail.ru

Зайцева Жанна Геннадьевна, младший научный сотрудник лаборатории
клинической патофизиологии ФИЦ КНЦ СО РАН
КНЦ СО РАН «НИИ МПС»
ул. Партизана Железняка, 3г, г. Красноярск, 660022, Российская
Федерация
89831549968@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga I. Zaitseva, Doctor of Medical Sciences, Chief Researcher of the Laboratory of Clinical Pathophysiology of FRC KSC SB RAS
KSC SB RAS, Research Institute of Medical Problems of the North
3g, Partizan Zheleznyak Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
1081959@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7199-2308>

Tatyana A. Kolodyazhnaya, Candidate of Biological Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of Clinical Pathophysiology of FRC KSC SB RAS
KSC SB RAS, Research Institute of Medical Problems of the North
3g, Partizan Zheleznyak Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
tat2360955@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5695-4880>

Zhanna G. Zaitseva, Junior Researcher of the Laboratory of Clinical Pathophysiology of FRC KSC SB RAS
KSC SB RAS, Research Institute of Medical Problems of the North
3g, Partizan Zheleznyak Str., Krasnoyarsk, 660022, Russian Federation
89831549968@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6863-7014>

Поступила 16.02.2024

После рецензирования 04.03.2024

Принята 26.03.2024

Received 16.02.2024

Revised 04.03.2024

Accepted 26.03.2024